

OROSZ IRÓK MAGYAR SZEMMEL. Az orosz és szovjet irodalom magyarországi fogadtatásának válogatott dokumentumai. 1945--1980. I--II. Szerkesztette: Kámán Erzsébet. Tankönyvkiadó, 1987. 683 p.

Среди работ в области венгерской литературной русистики за последнее десятилетие обращают на себя внимание фундаментальные источниковедческие публикации по истории восприятия русской литературы в Венгрии на протяжении XIX--XX вв. Возникшая первоначально как вспомогательный материал для работы университетских спецсеминаров, серия Русские писатели глазами венгров к настоящему времени превратилась в солидное и в перспективе многотомное издание. В отечественной и зарубежной печати уже получили положительную оценку первые два тома, содержащие материал за период 1820--1920 гг. -- рецепции /1/ и избранные художественные переводы /2/. /Оба тома под редакцией Жужи Зельдхей/. Подготовлен к печати 3 том, в котором освещено восприятие русской, а также советской литературы, в межвоенные десятилетия 1920--1944 гг. /Редактор Агнеш Дуккон/. Ведется работа по составлению 4 тома, куда войдут лучшие образцы художественных переводов этих же десятилетий.

И вот увидели свет материалы, посвященные третьему периоду истории восприятия русской литературы в Венгрии. Авторский коллектив под руководством Эржебет Каман /в него вошли также Мария Шимон, Имрене Киш Петер и Терезия Юхас/ выпустил -- пока в форме "университетского конспекта"-- Избранные документы венгерского восприятия русской и советской литературы /1945--1980/.

На почти 700 страницах сборника помещены 164 текста. /Разумеется, это максимум 1--2 % от опубликованного за почти четыре десятилетия в виде статей и рецензий; в отдельных случаях можно было бы спорить об отборе, о замене одних статей другими и т.д.,

но в основном это тот материал, который вполне характеризует целое/. Пропорция текстов в соответствии с тремя отдельными историческими этапами, естественно вырисовывающимися по важнейшим векам от 1956 до 1970 гг., должна быть признана вполне уместной: несколько менее четверти материалов приходится на первое десятилетие, почти треть на следующие полтора, почти половина же -- на последнее, наиболее насыщенное десятилетие. Такое построение полностью отражает растущую глубину и зрелость венгерской русистики.

подавляющее большинство текстов, согласно названию всего цикла, отражает восприятие именно литературы, 9 же % посвящены смежным областям -- венгерским откликам, вызванным советским изобразительным искусством и фильмом, театром и музыкой.

Материал хрестоматии справедливо носит "автороцентрический" характер. Две трети статей посвящены отдельным писателям /"лидерами" этапов выступают: в 1945--1956 гг. -- М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, Н. Гоголь и Ф. Достоевский, в 1957--1969 гг. -- Л. Толстой, М. Горький, А. Чехов, М. Шолохов, в 1970--1980 гг. -- Л. Толстой, Ч. Айтматов, М. Булгаков, С. Есенин, М. Шолохов и В. Шукшин/, в то время как одна треть -- общим вопросам или отдельным проблемам.

При взгляде на распределение венгерских авторов /их всего 120/ бросается в глаза обилие самых выдающихся писателей /им принадлежит треть всего материала, например, крупнейший прозаик Ласло Немет представлен 7 статьями, Петер Вереш -- 3/ и ведущих литературоведов /13 % статей написали академики, в том числе Дьердь Лукач -- 6, Иштван Шетер -- 4/. Значительна также доля переводчиков /из них отметим содержательные высказывания крупнейшей переводчицы советской поэзии Жужи Раб/ и деятелей искусства /например, художника Ш. Бортника, артистов театра Э. Латиновича и Т. Майора, режиссера Э. Геллерта и др./. Почти половина статей принадлежит перу известных критиков и русистов -- деятелей вузовской науки.

Эти, казалось бы, чисто внешние количественные показатели интересны, разумеется, не в плане некоей самоцельной статистики. Они свидетельствуют о существенных закономерностях как отбора воспринимаемых литературных явлений в качестве предметов для размышлений, так и о глубине их проникновения в ткань литературоведческой -- и вообще научной -- мысли.

Если же обратиться к качественной стороне истории зафиксированного в текстах восприятия, перед нами раскрывается интереснейшая панорама идейно-художественных параллелей и контрастов, сближений и отталкиваний, созвучий и различий.

Истоки этих сложных взаимоотношений восходят еще к самому началу отечественного восприятия русской литературы. Прослеживая столетний путь, отмеченный постепенным вхождением А. Пушкина и И. Тургенева, Ф. Достоевского и Л. Толстого, А. Чехова и М. Горького в нашу культуру, во вступительной статье к I тому цикла /1983/ Ж. Зельдхейи установила единство преумножения контактологических моментов и роста типологических созвучий, начиная уже с ранних этапов эволюции рецепции. А в межвоенные годы еще глубже осознается выраженная в 1929 г. Ласло Неметом мысль: "Может быть, как раз русское влияние могло бы вознести над венгерской литературой то голубое небо вечных проблем, без которого национальная литература может быть лишь литературой племени". Это ощущение усугубилось с появлением новой литературы XX в., первые произведения которой были восприняты нашими левыми писателями в мессианистическом духе. "Мы ищем оружия, -- писал Лайош Кашшак в 1921 году, -- чтобы отстоять свою жизнь, и наталкиваемся на эти книги как на неиссякаемые кладези наших желаний... Из этих книг струится кровь и душа новой жизни."

Отметим наиболее характерные для отдельных этапов особенности восприятия, ярко вырисовывающиеся из материалов хрестоматии.

В п е р в ы е годы после 1945 г., при некотором оттеснении классической литературы на второй план, главным элементом

в возросшем интересе к литературе советской оказывается э к - з и с т е н ц и а л ь н о е влечение, возникающее из желания познать завтрашний день, полный еще туманного обещания нашего собственного будущего. Отсюда рождение особого интереса к таким книгам как "Педагогическая поэма" А. Макаренко /показательно: в переводе она получила название "Кузнец нового человека"/ и "Повесть о настоящем человеке" Б. Полевого, "Хождение по мукам" А. Толстого и "Тихий Дон" М. Шолохова. Литературную общественность остро волновал полный противоречий путь А. Толстого и созвучие главных мотивов в творчестве М. Горького и выдающегося венгерского поэта начала XX в. Эндре Ади. В творчестве М. Горького критика искала ответа на вопрос о месте личности в борьбе за социальную свободу; поэзия М. Маяковского служила примером непосредственного вмешательства литературы в злободневные дела жизни. В результате этого повышенного экзистенциального интереса неизбежно отступал на второй план художественно-эстетический характер произведений литературы. Это выразалось как в отборе самих произведений /о чем красноречиво говорят данные библиографии публикаций тех лет/, так и в их интерпретации. Составители хрестоматии поступили правильно, не пытаясь "выпрямлять" историю, не скрывая особенностей этого уже пройденного и преодоленного этапа. В книгу включено несколько текстов, как бы в стерильном виде репрезентирующих настроения, возникшие вследствие усилившегося культа личности Сталина и его "лучшего венгерского ученика" /статья теоретика ЦК ВПТ Й. Реван "Учиться у советской культуры", рецензия на "Жизнь Клима Самгина" и др./

Ко второй половине этого первого периода - 1953--1956 гг. - уже намечаются признаки оздоровления -- внутреннего преодоления вульгаризаторского понимания литературы: в произведениях открываются специфически художественные особенности, нравственные и эстетические ценности /утверждение "жанрового демократизма" В. Маяковского Л. Кардозем/, русская литература соотносится с крупнейшими явлениями мировой культуры /национальное и европей-

ское у Ф. Достоевского и Л. Толстого в концепции Л. Немета/, ставится под сомнение приемлемость схематизма идеализирующей статистики ждановской "эстетики" /у Л. Форгача/.

В т о р о й этап, берущий начало в 1957 году, отмечен растущим уравниванием интереса как к русской, так и к советской литературе и окончательным превалированием ц е н о с т - н о г о подхода.

Здесь, при все более заметном обогащении методов интерпретации вырисовываются три ведущих направления.

Как бы возрождая лучшие традиции венгерской критики 20--30-х годов, снова уделяется серьезное внимание раскрытию нравственной проблематики и художественного мира русской классики в широком историко-культурном контексте. Так, отмечается: Гоголь -- это и "гротескная предтеча" бихевиористского способа изображения, предшественник Кафки, и ранний выразитель основных мироощущений современного человека /А. Конрад/; творчество Достоевского рассматривается в аспекте изображения снов и видений /П. Эгри/; проза Л. Андреева -- это начало русского экспрессионизма /Л. Каранчи/; И. Шетер устанавливает: в творчестве Чехова получило завершение развитие изобразительных возможностей новеллистического жанра. Важным вкладом в дело раскрытия всемирно-исторического значения Л. Толстого можно считать документы, опубликованные в "Мемориальной книге о Толстом" /1962/: приведенные в хрестоматии заметки Дьюлы Ййеша, Милана Фюшта и Имре Шаркади содержат богатейший материал по психологии восприятия. С этой же точки зрения представляют большой интерес заметки П. Вереша о Шолохове, Л. Немета о Толстом, Достоевском, Горьком и Макаренко, Д. Ййеша о Л. Мартынове и др.

Новые явления советской литературы, произведения современников, а также писателей, по разным причинам впервые и с большим запозданием входящих в наш литературный процесс, получают многостороннюю интерпретацию. Так, в творчестве Ю. Олеши подчеркивается защита гуманизма от возродившейся при социализме

бюрократии /А. Апоштол/, в поэзии С. Есенина отмечается напряженная драма человека революционной эпохи, который "в своей душе должен довести ту борьбу, которая на баррикадах уже завершилась" /З. Хера/. Как значительное обогащение творческих возможностей отмечается о simultанность и богатый ассоциативный арсенал средств романиста у Тынянова /Я. Фюлеп/, как новая вершина мировой литературы -- катарсис трагедии и экспрессивный лиризм Бабеля /Э. Терек/. О творчестве А. Ахматовой и М. Булгакова, А. Платонова и Ч. Айтматова наши авторы /И. Чанади, М. Варга, Д. Кирай и Ф. Фехер/ пишут исследования, по филологическому уровню и охвату философских проблем небезынтересные и для советских исследователей тех лет. Дьердь Лукач выдвигает в эти годы /в связи с анализом повести А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича"/ неустаревший и по сей день тезис о критическом осмыслении сталинской эпохи как одной из главных задач социалистической литературы.

Весьма плодотворными оказываются в эти годы работы по сопоставительному изучению литератур, достигающие /особенно после этапной по своему значению конференции 1960 г. "Взаимосвязи и взаимодействие литератур"/ не только широкого размаха, но и значительной научной глубины. Выделим из них помещенные в хрестоматии статьи о Пушкине, общий творческий "стиль" которого, в интерпретации И. Шетера, близок к стилю и пониманию задач литературы у представителей венгерского "поколения реформ" 1820--1840-х гг.; о сложном созвучии Кафки и Твардовского -- автора "Теркин на том свете" /Й. Лендьел/; о Кафке и Горьком /Л. Форгач/ и др. М. Сабольчи ставит вопрос о месте венгерской литературы в широком контексте развития мировой литературы. Работы Б. Лендела посвящены отдельным вопросам связей венгерской литературы с творчеством Горького, а работы А. Фейера -- с творчеством Толстого. Статья Э. Иглои рассматривает легенду о первом венгерском герое в русской литературе -- Моисее Угрине.

Вся вторая часть книги справедливо отдана т р е т ь е - м у этапу 1970--1980 гг.: этот самый короткий отрезок -- по ра в з р о с л е н и я венгерской литературной русистики.

Главной его особенностью можно считать появление обобщающих исследований о творчестве крупнейших писателей-классиков, причем в ключе весьма разнообразной научной методики. Здесь и "продолжение" методологии "грамматики поэзии" Р. Якобсона применительно к Пушкину /М. Петер/, и изучение типологии русской интеллектуальной прозы XIX в. /И. Месерич/, и исследование поэтики "таинственных рассказов" Тургенева /Ж. Зельдхей/, и анализ типологии романов Достоевского /Д. Кирай/ и поиски соотношений идейно-нравственной проблематики и художественных форм у Толстого и Чехова /Э. Терек/, и семиотическое исследование "объективной лирики" Б. Пастернака /А. Силади/ и др.

Непосредственно к этой группе трудов примыкают работы по литературным взаимосвязям. Среди них мы находим и контактологию /Толстой в Венгрии -- И. Шетер; журнал "Ньюгат" и русская литература -- Д. Секе; Я. Маца и пролетарские писатели -- Ф. Ботка; Харьковская конференция МОРП -- Л. Иллеш и др./ и типологию /диалектика ценностей и влияний в зеркале венгеро-русско-французских литературных связей во второй половине XIX в. -- М. Рев/, но полноправным членом этой семьи выступает и анализ художественного перевода /в частности, о переводах произведений Маяковского в работах Л. Иллеша и И. Сердахейи, заметки Ж. Раб/.

Органической частью работы венгерских русистов выступает и на этом этапе живая литературная критика. Она дает анализ как произведений писателей современников /Евтушенко и Авижюса, Гельмана и Шукшина, Винокурова и Трифонова/, так и появляющихся с большим запозданием классических ценностей /книг А. Белого, Булгакова, Замятина/.

Наконец, мы находим в хрестоматии и ценные заметки ведущих венгерских писателей о своем знакомстве с русскими классиками /Я. Пилински о Достоевском, Й. Лендел о Толстом/ и с представи-

телями русской литературы XX в. /И. Шимон о Шолохове, Ш. Чоори о Есенине, П. Вереш о Гроссмани, Б. Берта о Симонове, Ф. Барани о Евтушенко, М. Шюкещ о Шукшине и др./.

Ценный аппарат книги -- приложенная к ней библиография: она содержит не только перечень общих работ о распространении самих литературных текстов в нашей стране в рассматриваемые годы, но дает и алфавитный указатель монографических трудов венгерских ученых, а также изданий основных работ советских авторов по литературоведению и эстетике, вышедших на венгерском языке. Книгу завершает указатель важнейших имен, встречающихся в хрестоматии.

Ждем этого издания в виде "общедоступной" книги -- учебника. Пора также подумать об организации работы по составлению завершающего весь цикл тома художественных переводов 1945--1980 годов.

И. Феньвеш